

Мамытова С.Н. ^{*1}, Кудайбергенова А.И. ²

*¹доктор исторических наук, ассоциированный профессор, Astana IT University
г. Астана, Казахстан*

E-mail: mamutova-pvl@mail.ru

*²доктор исторических наук, ассоциированный профессор, Институт Истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова, г. Алматы, Казахстан*

E-mail: akudaybergen@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ ТРАГЕДИИ ГОЛОДА И ВЫНУЖДЕННОЙ «УКОЧЕВКИ» КАЗАХОВ В АЛТАЙ И СИБИРЬ В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ ПАВЛОДАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ)

Аннотация

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с вынужденной миграцией казахского населения в начале 30-х годов XX века. Страшный голод, разразившийся в результате силовых кампаний советской власти по конфискации имущества так называемых «баев» и заготовке сельхозпродукции, стал детонатором массового бегства населения за пределы Казахстана и их массовой гибели, как по пути следования, так и в местах пребывания. Эта трагедия до сих пор мало исследована в силу идеологических стереотипов, прочно засевших в общественное сознание. На современном этапе происходят кардинальные изменения, выраженные в объединении усилий научных сообществ и государственных структур по изучению и реабилитации жертв массовых политических репрессий.

В статье предпринята попытка всесторонне проанализировать комплекс письменных и устных источников, раскрывающих причины, обстоятельства массовых откочетов, их направления, масштабы и последствия трагедии. Для показа ее региональной особенности было взято Павлодарское Прииртышье, близко граничащее с Алтайским краем и Западной Сибирью. Население этого региона сильно пострадало от голода. Подавляющее большинство составляли казахи, проживавшие в сельской местности и занимавшиеся кочевым скотоводством. Их обложение «зверскими» планами хлебозаготовок, силовой перевод на оседлость, «раскулачивание и конфискация» являются ключевыми маркерами очевидной цели большевиков, заключавшейся в выработке репрессивной тактики по подчинению национальных окраин интересам советского тоталитарного государства.

Ключевые слова: сельхоззаготовки, массовый голод, «укочевка», «откочевники», Павлодарское Прииртышье, Алтай, «Сибкрай».

С.Н. Мамытова ^{*1}, А.И. Кудайбергенова²

*¹²Тарих ғылымдарының докторы, қауымдастырылған профессоры, Astana IT University
Астана қ., Қазақстан*

E-mail: mamutova-pvl@mail.ru

*²Тарих ғылымдарының докторы, қауымдастырылған профессоры,
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты,*

Алматы қ., Қазақстан

E-mail: akudaybergen@mail.ru

XX ҒАСЫРДЫҢ 30-ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ АШАРШЫЛЫҚ ҚАСІРЕТІ МЕН ҚАЗАҚТАРДЫҢ АЛТАЙ МЕН СІБИРГЕ КҮШТЕП «ҚОНУЫ» ТАРИХЫНАН (ПАВЛОДАР ЕРТІС ӨңІРІНІҢ МАТЕРИАЛДАРЫ НЕГІЗІНДЕ)

Аңдатпа

Бұл мақалада XX ғасырдың 30-шы жылдарының басындағы қазақ халқының күштеп қоныс аударуына байланысты мәселелер қарастырылған. Кеңес үкіметінің «байлар» деп аталатындардың мүлкін тәркілеу және ауылшаруашылық өнімдерін жинау науқандарының нәтижесінде басталған алапат ашаршылық халықтың Қазақстаннан тысқары жерлерге жаппай қашуының және олардың

жаппай қырылуының детонаторына айналды. Бұл трагедия қоғамдық санада берік орныққан идеологиялық таптаурындардың салдарынан әлі де аз зерттелген. Қазіргі кезеңде ғылыми қауымдастықтар мен мемлекеттік органдардың жаппай саяси қуғын-сүргін құрбандарын зерттеу және ақтау жөніндегі күш-жігерін біріктіруден көрінетін түбегейлі өзгерістер орын алуда.

Мақалада жаппай көші-қонның себептерін, жағдайларын, олардың бағыттарын, трагедияның ауқымы мен салдарын ашатын жазба және ауызша дереккөздер кешенін жан-жақты талдауға тырысады. Аймақтық ерекшеліктерін көрсету үшін Алтай өлкесі мен Батыс Сібірмен тығыз шектесетін Павлодар Ертіс өңірі алынды. Бұл өлкенің халқы аштықтан қатты зардап шекті. Басым көпшілігі ауылды жерлерде тұрып, көшпелі мал шаруашылығымен айналысқан қазақтар болды. Оларды астық сатып алудың «қатыгез» жоспарларымен тану, отырықшы өмірге күштеп көшіру, «киліктен шығару және тәркілеу» большевиктердің ұлттық шет аймақтарды кеңестік мүддеге бағындырудың репрессиялық тактикасын жасау болатын айқын мақсатының негізгі белгілері болып табылады.

Түйінді сөздер: азық-түлік жинауы, жаппай ашаршылық, «босқындар», Павлодар Ертіс ауданы, Алтай, «Сибкрай».

S.Mamytova*¹, A.Kudaibergenova²

*¹ Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Astana IT University
Astana, Kazakhstan*

E-mail: mamutova-pvl@mail.ru

*² Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology,
Almaty, Kazakhstan*

E-mail: akudaybergen@mail.ru

THE HISTORY OF THE TRAGEDY OF FAMINE AND FORCED «MIGRATION» OF KAZAKHS TO ALTAI AND SIBERIA IN THE 1930S (BASED ON THE MATERIALS OF THE PAVLODAR IRTYSH REGION)

Abstract

This article discusses issues related to the forced migration of the Kazakh population in the early 1930s. The terrible famine that broke out as a result of the forced campaigns of the Soviet government to confiscate the property of the so-called "bays" and harvest agricultural products became the detonator of the mass flight of the population outside of Kazakhstan and their mass death, both along the route and in places of stay.

This tragedy is still little studied due to ideological stereotypes that are firmly planted in the public consciousness. At the present stage, cardinal changes are taking place, expressed in the unification of the efforts of academic communities and government agencies to study and rehabilitate the victims of mass political repressions.

The article attempts to comprehensively analyze the complex of written and oral sources that reveal the causes, circumstances of mass migrations, their directions, the scale and consequences of the tragedy. To show its regional features, we have chosen the Pavlodar Irtysh region, which closely borders the Altai Territory and Western Siberia. The population of this region suffered greatly from the famine. The vast majority were Kazakhs who lived in rural areas and were engaged in nomadic cattle breeding. Their imposition with "brutal" plans for grain procurement, forced transfer to settled life, "dispossession and confiscation" are key markers of the obvious goal of the Bolsheviks, which was to develop repressive tactics to subordinate the national outskirts to the interests of the Soviet totalitarian state.

Keywords: massive famine; «ukochevka»; Kazakhs «otkochevniki»; Pavlodar Irtysh region; Altai; Siberia.

Введение. Неугасаемой болью для многих казахстанцев является трагедия голода 30-х годов XX столетия. В результате тоталитарной политики советского руководства, репрессий был нанесен колоссальный урон по традиционной системе жизнеобеспечения в казахской степи. По данным современных исследователей, из 40 миллионов голов скота к 1933 году осталось только 4,5 миллионов. Что касается количества умерших людей от голода, то цифра, называемая разными исследователями, варьируется от трех до пяти миллионов. Более миллиона казахов были вынуждены покинуть родные места и уйти на чужбину. Это время в памяти народа остались, как «Годы Великого джута» - массового падежа скота и гибели людей.

Проведение политики восстановления исторической справедливости в Казахстане, открытие

доступа к рассекреченным архивным документам открыло большие возможности для комплексного и объективного исследования узловых проблем истории вынужденной «укочевки» казахов: причин и обстоятельств массовых откочевок, их направления, особенностей, масштабов и последствий трагедии.

Введение новых исторических фактов, на наш взгляд, существенно дополнит и расширит представление о политических репрессиях, голоде и «голодобеженцах» в 30-е годы XX века. Объективная историко-правовая оценка реальной картины трагедии казахского аула крайне важна для освобождения от деструктивного влияния тоталитаризма, формирования сбалансированного взаимоотношения государства и общества. Содержательное наполнение императива будущего развития на основах гуманитарной безопасности составляет главную научно-практическую актуальность данной темы.

Материалы и методы. При написании статьи были проанализированы материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), государственного архива Павлодарской области (ГА ПО). В рамках исследуемой проблемы наиболее репрезентативными, на наш взгляд, являются архивные документы ГАПО, Фонда 8 – «Павлодарский окружной комитет ВКП (б) Восточно-Казахстанской области г. Павлодар»; Фонда 11 – «Павлодарский окружной исполнительный комитет ВКП (б) Восточно-Казахстанской области г. Павлодар». Наибольшую ценность представляют архивные документы Фонда 1 п – «Павлодарский райком ВКП (б) Восточно-Казахстанской области г. Павлодар». Они позволяют рассмотреть причины, размеры «укочевки», проанализировать состав «откочевников».

По некоторым вопросам темы для подтверждения достоверности архивных источников было проведено сопоставление с устными источниками, рассказами потомков тех, кто в голодные 30-е годы прошлого столетия был вынужден бежать из родных мест.

Работа выполнена с применением сравнительно-исторического, проблемного-хронологического и историко-системного методов, которые позволили представить масштаб трагедии, места наибольшей смертности от голода, причины «Великого бедствия» и направления вынужденной «укочевки».

Обсуждение. Одной из первых научных работ в 90-е годы XX в., непосредственно связанной с трагической историей казахов - «голодобеженцев» была коллективная монография М.Мальшевой и В.Познанского «Казахи - беженцы от голода в Западной Сибири. 1931-1934 год» (Мальшева, Познанский, 1991). Третья глава «Беглецы от голода» показывает поэтапный наплыв казахов на юг Западной Сибири, и проблемы по обустройству мигрантов на новой территории и в чуждом им окружении. Отдельно авторами рассмотрены проблемы межнациональных отношений и меры по спасению «откочевников». По мысли авторов, данный термин искажает реальную картину, так как бежавшие от голода казахи не имели скота, «фактически на территорию Сибири из КазАССР добирались нелегально на поездах и пешком одолевшие степи-полупустыни люди-дистрофики, в лохмотьях, без какой-либо пищи...» [1, с.8]. Авторы исследовали историю борьбы за выживание казахобеженцев. Они показали всю сложность взаимоотношений между ними и русским населением. Причем акцентировали внимание на фактах дружественных контактов, а также помощи казахам-беженцам со стороны местных властей.

Новый подъем исследований наблюдался в 2000-е годы. Это было связано с официальной политикой и открытием доступа к новым архивным фондам. Известный казахстанский ученый Талас Омарбеков, используя секретные архивы НКВД/ОГПУ/КГБ Казахстана, издал в 2003 году книгу «Актуальные проблемы истории Казахстана XX в.» [2]. В ней он оценил людские жертвы в 3 млн.379 тыс. 500 чел., из которых около миллионы были беженцы. По его мысли, главной причиной этой трагедии было уничтожение традиционного казахского скотоводства в ходе кампании коллективизации, сопровождавшегося сокращением поголовья скота с 40 млн до 4,5 млн голов.

Огромная работа была проведена Институтами истории и этнологии им. Ч. Валиханова и Институтом истории государства по восстановлению реальной картины голода в Казахстане в 1932-1933 годах. В 2012 году вышла коллективная монография под ред. Аяган Б.Г. «Правда о голоде 1932-1933 годов». В ней была дана оценка массовым откочевкам, как «одной из форм коллективного протеста и сопротивления казахов политике строительства колхозов и единственно правильным выходом избежать голодной смерти» [3, с.228].

Заслуживают высокой оценки проведенные историками совместные обсуждения проблемы и публикация таких сборников конференций, как «Голод в Казахстане: трагедия народа и уроки истории» (Сборник документов, 2012), «Голод 1930-х годов в Украине и Казахстане: вопросы историографии и подходы к исследованию проблемы» (Голод 1930-х годов, 2014). Представленные в них доклады, построенные на богатой документальной основе, позволяют понять масштаб и глубину

трагедии, память о которой необходима для восстановления исторической справедливости и укрепление общественного согласия. Главными участниками развернувшихся дискуссий стали ученые Казахстана, России и Украины. Ключевыми вопросами дискуссии были причины, масштабы и последствия массового голода 1932-1933 гг. Если одни причину голода связывали с перегибами местных органов советской власти, другие же делали акцент на подавление национального и унификацию народов путем искусственно созданной ситуации массового голода. По мнению ученого-историка Сыдыкова Е. Б., ошибки партийно-советского руководства привели к появлению огромной массы «несчастных людей», которых «официально называли «откочевниками» [4, с.9]. Ученый поднимал ряд важных проблем, связанных с голодом: численность, масштаб, направления откочетов, условия жизни в местах пребывания.

Одним из обсуждаемых вопросов является определение числа, эмигрировавших из Казахстана кочевников во время голода 30-х годов XX века. Отсутствие их учета в советское время значительно осложняет исследование этого вопроса. В официальных источниках фигурировала цифра 50 тысяч казахов-беженцев от голода, мигрировавших в Западную Сибирь. По данным профессора З.Е. Кабульдинова, «их было больше, как минимум в 18-20 раз» [5, с.54]. Е.Б. Сыдыков приводит число, эмигрировавших из Казахстана, - 1030 тысяч, из которых не возвратились 616 тысяч [4, с.9].

Одним из более ли менее решенных задач для исследователей – это вопрос о направлении откочетов. Наибольший наплыв беженцев казахов ученые фиксировали в приграничные регионы: Кыргызстан, среднеазиатские республики, а также в Поволжье, Южный Урал и Западную Сибирь. По словам Е. Б. Сыдыкова, «какая-то часть казахов, попала еще и в Восточную Сибирь. .... Сибирь приняла, как минимум, около ста тысяч казахов, главным образом, из родов Среднего и частично Большого жузов» [4, с.11]. На обширной источниковой базе, главным образом, из фондов Государственного архива Новосибирской области, ученый показал трагедию казахского народа, обращая особое внимание на судьбы детей-сирот, ставших жертвами всенародного несчастья. З.Е. Кабульдинов, используя богатейшие этнографические и архивные материалы, рассмотрел направления вынужденной миграции казахов, проблемы казахов - «откочевников» в местах пребывания, а также поднял вопрос: «почему идет сокрытие действительной численности переселенческого казахского населения?» [5, с.64]. Исследователь Сергейчук В.И. видел в откочевках спасение для множества «голодобеженцев». Он доказывал, что «своевременная откочевка в окружающие регионы, где по просьбе тогдашнего руководства КАССР их на определенное время приняли, спасла тысячи жизней от голодной смерти» [6, с.164]. В качестве одной из причин, подтолкнувших к откочевке, он указывал на развернувшийся террор властей против казахского населения при проведении кампаний по хлебозаготовкам. Опираясь на документы из фонда 141 Архива Президента Казахстана, он показал попытки казахстанских властей решить проблему «откочевочного элемента». Перед районными и областными партийными организациями была поставлена главная задача: добиться немедленного возвращения «откочевников» на свои места в аулы. В этих целях, в духе господствовавшей в то время командно-административной политики, были предприняты некоторые действия. В частности, отправлены вагоны, истощенных от голода, казахов на уборку хлопка в Южно-Казахстанскую область. Сергейчук В.И. писал: «было сформировано 38 вагонов казахов, которые были отправлены в Пахта-Аральский район. Однако вместо полагающихся 3 килограммов хлеба на едока выдали на дорогу лишь по 500 грамм пшеницы, что привело к истощению в первую очередь детей, из которых в пути до Ташкента умерло 25, а также 2 взрослых» [6, с.173].

Этническое самосознание казахов на приграничных территориях исследовалось известным историком Ж.А. Ермакбаевым. В своем научном труде «Российские казахи в составе РСФСР и СССР в 1917-1991 гг.» он затронул, в частности, вопрос о вынужденных миграциях казахского населения в контексте антинародных советских практик [7]. Молодой казахстанский исследователь С.М. Козыбаева изучила материалы архивов западносибирских городов и установила, «что в Новосибирской области в 1939 году численность казахов увеличилась до 20 тысяч, в Омской области до 50 тысяч, на Алтае их проживало почти 30 тысяч». В статье М.М. Козыбаевой «Миграционные процессы и социально-экономическое положение казахского населения Западной Сибири в 30-х годах XX века» [8] раскрываются вопросы адаптации вынужденных мигрантов к местной хозяйственной специфике, трудоустройства казахов - «откочевников» в колхозы и промышленные предприятия. Автор наглядно показывает бедственное положение казахов, оказавшихся без имущества, без средств к существованию вне пределов своего прежнего проживания.

Ведущий казахстанский демограф А.Н. Алексеенко еще в конце 1980-х годов представил научной общественности результаты своего исследования о динамике численности сельского населения, миграционном движении в 1920-1990, в частности, массовом переселении казахов,

бежавших от голода в 20-30-е гг. XX века гг. [9].

О проявлении большого интереса к трагедии голода в 30-е годы среди российских ученых свидетельствует целый ряд научных конференций. Одна из которых прошла в 2008 году совместно с украинскими учеными. Выступая против обвинений со стороны соседних государств постсоветского пространства, российские ученые совершенно справедливо указали на интернациональный характер данной трагедии. Так ведущий ученый Института российской истории РАН В.Ф. Зима убедительно доказал этот тезис и отметил, что «Голодные миграции способствовали распространению инфекционных заболеваний: брюшного и сыпного тифа, туберкулеза, дизентерии и др.» [10].

В контексте «политики памяти» вышла книга российского историка А.В. Грозина «Голод 1932-1933 годов и политика памяти в Республике Казахстан» [11]. В ней представлены результаты историографических исследований российских и казахстанских ученых по разным аспектам истории массового голода 1932-1933 годов в Казахстане.

Большой научный интерес вызывают труды алтайских и сибирских ученых, которые активизировали исследования казахов на приграничной территории с 70-х годов прошлого столетия. На регулярной основе проводились экспедиции в места компактного проживания казахского населения. Для проведения специальных исследований был создан в Омске этнографический научный центр по изучению казахов Сибири. Среди ведущих ученых данной проблематики следует назвать Н.А. Томилова, И.В. Октябрьскую, Ш.К. Ахметову. Перу Н.А. Томилова принадлежит солидный научный труд «Этническая история тюркоязычного населения западносибирской равнины в конце XVI – начале XX вв.» [12]. В этой работе на основе обширного архивного материала представлена история формирования и расселения, численность казахов Западной Сибири в XVI – начале XX вв. В совместной с

Ш.К. Ахметовой монографии «Казахи аула Каскат» [13] показаны традиции и инновации в культуре казахского населения Западной Сибири. Процесс формирования городских казахов Западной Сибири на протяжении трех столетий исследовала Ш.К. Ахметова [14]. В 2005 году была проведена совместная российско-казахстанская экспедиция, исследовавшая жизнь и быт казахов Алтайского края. В этой экспедиции приняли участие ученые Омска и Павлодара. Они выявили места компактного проживания казахов, проанализировали положение разных категорий казахского населения – ирреденту и вынужденных переселенцев во время голода в 30-е годы XX века. Динамику становления и трансформацию казахских сообществ Алтая подробно изучила ведущий сибирский ученый И.В. Октябрьская [15].

В западной историографии, несмотря на ограниченные возможности использования архивной документации, также проявлялся большой интерес к этой проблематике. Одними из первых исследователей темы голода в СССР стали американский ученый Марта Брилл Олкотт [16] и англо-американский историк Роберт Конквест. В 1986 году Конквест издал свой труд «Жатва скорби», в которую включил главу о казахском голоде. Причину миграций казахов, он объяснял не происками «феодально-байских элементов» (как выдавалось советскими властями), а полным разрушением общественных и экономических основ жизни кочевников. По его подсчетам, в 1930-1931 гг. 15-20 процентов голодных казахов было вынуждено покинуть родину [17, с. 194].

В дальнейшем открытие доступа к некоторым архивным фондам способствовали росту научных исследований таких зарубежных ученых, как Изабель Огайон (Париж, 2006), Никколо Пианчиоло (Рим, 2009), Мэттью Пейн (2011) и Сара Кэмерон (Иель, 2010), Роберт Киндлер (Гамбург, 2014). Все эти исследователи показали репрессивную сущность системы Советов. Они доказали, массовый казахский голод – это акт террора советского правительства по отношению к казахскому народу. По словам Сары Кэмерон, «есть определенные проблемы в расследованиях показателей смертности казахского голода: количество голодавших беженцев, например, было гораздо более значительным во время казахского голода, чем в других примерах голода советской коллективизации. В ходе подготовки к переписи 1937 года некоторые чиновники в Казахстане даже использовали эту цифру, как способ прикрыть существование голода: резкое падение численности населения республики, рассуждали они, может быть объяснено тем, что многие казахи эмигрировали на работу в другие республики в период первой «пятилетки» Сталина» [18, с. 194]. Вопрос о массовой миграции казахов специально рассмотрен Изабель Огайон, в третьей части ее книги «Седентаризация казахов СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928-1945 гг.)» [19, с. 194]. Ссылаясь на ее научный труд и российские архивные документы РФ Никколо Пианчиоло приводит следующие цифровые данные «по откочевкам в Сибирь, Центральную Азию и Урал: в 1930-1931 гг. - 286 тыс. семей казахов, 1932 г. - 78 тыс. семей в 1933 г. - 31тыс. семья» [20, р. 242].

Высокая научная ценность трудов зарубежных авторов заключается в использовании многообразных методологических подходов. Большую ценность для исследования темы

«откочевников» представляют их взгляды о вынужденном бегстве огромной части казахского населения от жуткого голода и последствиях этих процессов на этническую идентичность.

Результаты. В фондах партийных и советских органов содержится информация, раскрывающая причины и ход развития драматических событий. Документы убедительно свидетельствуют, что голод в начале 1930-х годов стал результатом сталинской модели форсированной индустриализации, сопровождавшейся насильственной коллективизацией и высоким ростом принудительных заготовок сельхозпродукции. Так, если план хлебозаготовок в 1929-1930 гг. для Павлодарского округа составлял 2 млн. 300 тыс. пудов, то в 1930-1931 годы, он был увеличен более чем в два раза, и составил 7 млн. 750 тыс. пудов [21, Л. 172].

По определению крестьян это были «зверские» сельхоззаготовки, выполнение которых жёстко контролировалось с помощью специальных уполномоченных. Их присылали из центральных органов власти. При поддержке местных активистов они выгребали зерно из колхозов и единоличных хозяйств «под метёлку», забирая даже семенные фонды. Об этом говорится в письмах, которые в большом количестве поступали от местных руководителей и простых граждан. Так, в «Письме начальника Павлодарского окружного отдела ОГПУ Завьялова Павлодарскому окружному комитету ВКП(б)» от 1 января 1930 года было доложено, что «в пос. Богодаровка Цюрупинского района уполномоченный по хлебозаготовке послал бригаду по посёлку и подряд стал выгребать всё наличие хлеба, без различия, у всех бедняков и маломощных середняков» [22, Л. 91]. Еще в одном письме от 7 марта 1930 года написано: «По точным данным бригада по Ново-Алексеевскому сельсовету Иртышского района заготовку семян производит явно преступным порядком, отбирает всё до нитки, производит аресты, инсценирует расстрелы...!» [22, Л. 95].

Таковыми же репрессивными методами проходила заготовка животноводческой продукции. При сборе шерсти не учитывали специфические особенности этого процесса. Даже зимой требовали стричь овец и сдавать шерсть в больших объемах. Лишив крестьян скота и хлеба, власть обрекла их на мучительную смерть. В архивных документах четко прослеживается стремительная динамика смертности среди сельского населения. Так, например, с 1 декабря по 15 февраля 1932 г. было установлено 498 случаев голодной смерти, в том числе среди европейского населения - 38. Кроме этого, с 1 января по 15 марта в г. Павлодаре и его окрестностях подобрано и похоронено трупов: январь - 100 чел, февраль 275 и марте 364, итого 739 чел. [23, Л. 59].

В «Сводке фактов о голодовке населения в аулах Павлодарского района» (1932), содержащейся в документах райкома партии, говорилось: «Аул No 1. Комиссия обследовала месторасположение рода Сагынай, обнаружила не похороненных трупов 44... Часто не похороненных бросали в могильники, и когда стали не в силах делать и этого, начали выносить в скотный двор. ... Аул No 2. Ряд граждан, собираясь идти в город, умирали на дороге между канцелярией аулсовета и своих хозаулов. В ауле широко развито питание собачьим мясом, падалью и отбросами, остающимися после ягнения овец. В хозауле, где находится овцеводческая ферма, умерли трехлетняя дочь и мать бежавшего кулака Бакина Сламбека, трупы их были вынесены на двор, а проживающие в этом доме двое детей гр-на И.Т. ночью сварили мясо от трупа девочки и начали есть, испугавшись такой картины, жена Темирбаева Ишима в ту же ночь пришла к заведующему овцеводческой фермой Савдабаеву и сообщила об этом факте. На утро секретарь комсомольской ячейки вместе с пастухом пошли к С. и застали их в момент повторной варки человеческого мяса. Однако С., вооружившись топором и ножиком, трупа не дали. При смотре у трупа матери Сламбека не оказалось одной ноги. С. заявили, что они пошли на это, боясь голодной смерти, что они в дальнейшем готовы съесть даже живого человека.... Аул No 6: всего хозяйств в ауле 126, едоков 598. Положение аула тяжёлое. В этом ауле масса случаев питания собачьим мясом.... Есть случаи залежания трупов в течение 3-4 дней в домах, где остальные жильцы не в состоянии вынести эти трупы на улицу. У некоторых трупов, вынесенных во двор, лица загрызены мышами... Аул No 14 и 15: Положение этого аула хуже даже в сравнении с аулом No 12.... Во многих домах все жильцы поголовно лежат в постелях. В хозяйстве нет ни одного человека, который мог бы ходить. Муж гр-ки Исабековой Рахимы – Исабек валяется дома, часть голодающих питается лоскутами шкур. Двое мужчин из этого дома ушли, бросив семью, неизвестно куда. Таких фактов в этом ауле имеется много. Так, из семьи, состоящей из 5 едоков, осталось 4 женщины. Не похороненных трупов 12. Эти трупы валяются в доме, со всех сторон занесённом снегом. В дом пришлось попасть с крыши, дом заброшен, холодный, тёмный» [23, ЛЛ. 2, 2 об.].

Начинается большой отток казахов отток на приграничные территории и соседние страны с надеждой спастись от страшного голода.

В официальных документах это называли «укочевкой». В материалах ОГПУ отмечалось, что «...наблюдается укочёвка населения в другие районы, что за последнее время принимает

внушительные размеры и угрожает тому, что ряд Сельсоветов и колхозов будут не в состоянии справиться с уборкой урожая по причине утечки рабсилы» [22, Л. 87]. Подчеркивается, что среди «откочевников» были не только простые крестьяне, но и члены и кандидаты в партию. Так же в этом документе представлена официальная версия причин «укочевок»: «Укочёвка и бегство в большинстве случаев вызвано тем, что среди колхозников распространены слухи о предстоящем голоде. Во-первых, и во-вторых, текущая колхозников объясняется тем, что вопрос снабжения в колхозах не поставлен на должную высоту. ... вместо того, чтобы повести среди населения и колхозников массовую работу, применяются методы администрирования, избиение. ... активисты, являясь непосредственными исполнителями проводимых гос. хоз. кампаний, сами уклоняются от тяжести налогов, все налоговые тяжести перелажали за редким исключением на бедноту и середняков. Население убегает из аула в те места, где продукты питания подешевле и можно прожить». Масштабы трагедии ярко видны по указанной статистике: «в ауле № 6 в 1930 году по Сельаулсовету числилось свыше 600 хоз-в, в 1931 г. их насчитывается менее 300. В колхозе имени Молотова в городе Павлодаре в период весеннего сева состояло свыше 200 хоз-в, в данное время осталось меньше 100. ... С Мая м-ца из 260 хоз. членов колхоза им. Маркса в ауле №4 Павлодарского района укочевало 60 хоз-в. .... В ауле № 6 в 30 году числилось свыше 600 хоз-в, в 31 году учтено всего около 300 хоз-в, остальные из аула бежали. ... Из аулсоветов №№ 1, 2, 3 и 4 наблюдается до сих пор массовое бегство колхозников бедняков, которые уводят с собой колхозный скот. Пример: из а/совета № 1 с Января по 1 Августа сбежало 55 хоз-в, из них только 3 кулацких хоз-ва, остальные все колхозники бедняки. Из аулсовета № 2 88 хоз-в по соц. положению также преобладающее большинство бедняков» [22, ЛЛ. 89–101].

Пик «укочевок» пришелся на конец 1931 – начало 1932 года. Это четко прослеживается по сохранившимся данным по Павлодарскому Прииртышью с декабря 1931 г. по 15 февраля 1932 года [23, Л. 5].

Наименование сельаулсоветов   Количество умерших от голода   Число бежавших колхозных хозяйств

Наименование сельаулсоветов	Количество умерших от голода	Число бежавших колхозных хозяйств
г. Павлодар	175	180
Песчанский С/Совет	8	20
Козоль озеро	8	-
Федотовский С/Совет	7	98
Чернорецкий	15	225
Ямышевский	-	150
Лебяжинский	-	176
Демьяновский	-	60
Потанинка	3	-
Аул 1-й	40	270
Аул 6-й	17	346
Аул 7-й	22	6
Аул 9-й	8	-
Аул 10-й	49	209
Аул 11-й	27	457
Аул 12-й	65	-
Аулы 14 и 15-й	64	-
	498	2197 хоз.

В «Докладной записке заместителя председателя Совнаркома РСФСР тов. Рыскулова И. Сталину» (9 марта 1933 г.) представлены следующие сведения о количестве казахов, вынужденных бежать в другие регионы: «на Среднюю Волгу - 40 тыс. человек, в Киргизию - 100 тыс. человек, Западную Сибирь - 50 тыс. человек, Каракалпакию - 20 тыс., Среднюю Азию - 30 тыс. человек. Откочевники попали даже в такие отдаленные места как Калмыкия, Таджикистан, Северный край и др. Часть населения во главе с баями откочевала в Западный Китай. Подобное явление откочевки казахов в сторону центральных районов происходит впервые в Казахстане. Это не просто кочевание (которое обычно происходит летом на небольшое расстояние и при наличии скота), а в значительной части бегство голодных людей в поисках пропитания. Откочевки по отдельным районам

доходят до 40-50% всего количества населения районов» [24, с. 44].

Кроме официальных документов, большую ценность представляют устные свидетельства потомков тех, кто пострадал от репрессий и голода. В ходе экспедиций по крупнякам были собраны воспоминания старейшин районов, которые передавали слова своих родителей о пережитых страданиях во время этой трагедии, показывали места массовых захоронений жертв голода.

В Павлодарской области во время экспедиции «По местам исторической памяти» (2021) было выявлено более 50 места массовых захоронений жертв голода. Основным их средоточием является Караобинский округ Актогайского района. Они находятся, как в самой Караобе, так и прилегающих к ней аулов: Исантерек, Жанаауыл, Ауелбек, Отес. Рядом с последним находится ауыл «Жаңа шаруа» (рядом с Сарышыганак, ранее Калинина) Аксуского района, где также находится массовое захоронение от голода.

Еще одним из таких районов является Иртышский район. Через этот район проходил путь крайне истощенных казахов Павлодарского округа в 1932/33 гг. в Омск и далее в глубь Сибири. По словам местных аксакалов, этот путь был покрыт телами сотен тысяч казахов. Поэтому его называют «дорогой смерти». Ужасная картина голодобеженцев описывается в воспоминаниях потомков жертв трагедии: множество набухших голых тел умерших, особенно много детей, оставшихся без родителей, матери, у которых не было сил найти своих детей. В книге-воспоминание павлодарского краеведа К.Х. Рахимжанова «Лихолетье» имеется описание безжизненных аулов, «ада, наполненного мертвыми телами» и «несчастных, которые в тщетной попытке спастись от голодной смерти, брели в сторону большого города в призрачной надежде обрести хоть какую-то работу, а вместе с ним и постоянный кусок хлеба, который дал бы шанс пережить это суровое лихолетье» [25, с. 28].

Один из реальных эпизодов, который произошел в мае 1934 года на территории Майского района в местности Аккудук, описан в романе казахского советского писателя Зейтина Акишева «Зауал» («Испытание»): «Везли мы семенное зерно, 120 пудов. Заехали в поселок. Пусто: ни людей, ни собак. На окраине заглянули в один дом - никого. Заходим в комнату. Ее перегораживает занавеска, - так обычно в казахских домах отделяли молодую семью. Взялся я за материю, а она вся рассыпалась в прах. На кровати лежали два скелета. По волосам - у одного были длинные черные волосы, у другого гораздо короче - мы догадались, что это были молодые мужчина и женщина. Видать, молодожены. Наверное, когда подошла голодная смерть, решили погибнуть вместе. Так в обнимку и умерли...» [26].

Спасаясь от голодной смерти, казахи Павлодарского Прииртышья в основном бежали в Алтайский и Западно-Сибирский край. Не менее тяжелая судьба ждала казахов-беженцев на чужбине. Они сотнями умирали от голода на улицах сибирских городов и крестьянских селений. Местные жители тоже находились в тяжелом состоянии. Насильно загнанные в колхозы и обложенные непомерными налогами они испытывали экономический кризис. Этим объяснялись и отдельные факты их агрессивного отношения к обездоленным казахам-беженцам. В архивных документах встречаются свидетельства о шовинистически настроенных местных людях. Так директор совхоза «Овцевод» Купинского района Замсибкрая отдал распоряжение о сожжении целого казахского аула. Его действие было осуждено Нарсудом. Из-за частых случаев избиения казахов правоохранительные органы были вынуждены сделать строгое предупреждение о прекращении всякого безобразия [27, с. 69].

Своим трудолюбием, терпеливостью, открытостью казахи постепенно развеяли мифы о себе, как «людоедах», «бродягах». Казахи, вступая в производственные бригады, старались выполнить план, добиться лучших показателей в социалистическом соревновании. Быстро выучив русский язык, перенимая местные хозяйственные приемы, они адаптировались в новую среду. Как рассказывают потомки «откочевников», их родители работали на огородах сибиряков, приносили в подоле данную им за работу картошку, другие овощи, а затем и сами начали сажать огороды.

Они не только перенимали опыт, но и сами делились своим мастерством. Одна из жительниц Железинского района Павлодарской области рассказала, как ее дед – мастер по обработке кожи, шил для всей округи тулупы, шапки, кожаную обувь. Но основным местом трудоустройства казахов-беженцев стали шахты, рудники, низкоквалифицированные работы на железных дорогах. Немало казахов Павлодарского Прииртышья в те страшные времена голода оказались в городах Кузбасса – Кемерово, Новокузнецке и даже на Камчатке. Среди них была семья уроженца Баянаульского района Халела Аргынбаева, известного казахского этнолога, крупного исследователя историко-культурных связей русского и казахского народов.

По воспоминаниям жительницы г. Павлодара, Нины Амирбаевой (1953 года рождения), ее прадеды в голодные 30-е годы бежали из Баянаула в Павлодар, а затем, купив документы, направились

в Сибирь. В начале устроились на тяжелые работы на шахте Новокузнецка, затем, там же - на металлургический завод. В конце концов, потеряв от голода и лишений многих своих родных и близких, они осели в Кемеровской области, станции Промышленная. 30 лет прожила семья Амирбаевых в дали от родины, но постоянно стремилась к сохранению родного языка, традиций и обычаев своего народа. Вернувшись в Казахстан, они сохраняли теплые воспоминания о своих соседях – людях разной национальности, которые также подверглись репрессиям. По словам Нины Амирбаевой, «там были доброжелательные люди, тоже ссыльные, немцы, украинцы, литовцы. Русские были - тетя Свекла, тетя Люба. Они были тоже забытые. Русский народ также потерпел от Сталина...» [28].

Архивные документы свидетельствуют, возвращение в Казахстан начинается уже в 1932-1934 годах. Оно проходило в рамках административного выселения: насильно, спешно и антигуманно, с новыми людскими жертвами. По указанию Совета народных комиссаров союзным предприятиям было дано указание о том, чтобы уволить всех казахов и отправить обратно в Казахстан. Их просто увольняли, не давая на обратную дорогу домой никаких средств и продовольствия. Многие не добрались до дома, умирали на вокзалах, на улицах городов и сел. Не лучшая участь ждала и тех, кто смог добраться до родного края. О катастрофическом положении прибывших «откочевников» неоднократно сигнализировали нижестоящие органы власти вышестоящим. Так, в «Телеграмме Павлодарского райкома ВКП (б) Восточно-Казахстанскому обкому ВКП(б)» говорилось, что «как в городе, так и на станции железной дороги скопились тысячи человек без крова, без пищи, зачастую раздетые и разутые. Все школы, клубы переполнены, город не успевает подбирать трупы» [23, л. 10]. Ярким свидетельством разыгравшейся трагедии является Акт об обнаружении массового захоронения на кладбище г. Павлодара от 15 марта 1933 года, в котором говорится, что вблизи от железной дороги было обнаружено три не зарытые ямы, в которые были свалены около 300 трупов в обнаженном виде, которыми уже питались птицы и собаки.

Не менее трагическая доля ждала откочевников, отправленных по районам. В одном из постановлений Павлодарского райкома ВКП (б) говорилось о шовинистическом и бюрократическом отношении местной районной власти к их обустройству, выражавшееся в «оставлении откочевников без продовольствия и жилья в совхозах, уклонении от приёма на работу, оправдывая это, якобы, слабостью и неумением откочевников работать» [29, Л. 146].

Реакцией на данные административные перегибы стало принятие ряда директив со стороны Президиума ВЦИК и Президиума ЦИК СССР. В целях исправления создавшейся ситуации были приняты решения об улучшении хозяйственного обустройства и культурного обслуживания приграничного населения, продовольственная помощь голодающим регионам, реализация программ по постепенному возвращению населения в места прежнего жительства.

Заключение. Таким образом, включённые в научный оборот и проанализированные новые письменные и устные источники ярко свидетельствуют о катастрофических последствиях массового голода и вынужденной миграции на дальнейшее демографическое и социально-экономическое развитие нации. Скотоводческо-кочевническая специфика Степного края обусловила чудовищный драматизм кампаний хлебозаготовок и «раскулачивания». Поэтому процент голодобеженцев, в сравнении с другими регионами страны, был очень высокий. Миграции носили массовый характер. С мест снимались целыми аулами. Откочевывали не только те, кто подвергался репрессиям, но и колхозное население во главе с председателями колхозов. Откочевки носили лавинообразный характер. Начавшись с конца 1929 года, продолжались до 1935-1936 годов. В зависимости от местоположения района определялись направления откочетов. Из западных областей Казахстана поток голодобеженцев шел, в основном, в Иран, Афганистан, Туркмению и Каракалпакию; из южных и восточных областей - в Узбекистан, Киргизию и Китай; а из северных и центральных областей миграция преобладала в сторону Алтайского края, Западной Сибири и Монголии.

Следует отметить, что при всех трудностях адаптации на новом месте, казахи-беженцы старались сохранить свою национальную самобытность. Они не ожесточились, старались найти что-то светлое, доброе даже в такой тяжелой судьбе. Своим детям больше говорили о добрососедстве, взаимоуважении, согласии и мире.

Список использованной литературы

1. Мальшева М. П., Познанский В. С. *Казахи-беженцы от голода в Западной Сибири (1931-1934)*. – Алматы: Галым, 1999. – 536 с.
2. Омарбеков Т. *Қазақстан тарихының өзекті мәселелері. Көмекші оқу құралы*. – Алматы: «Өнер», 2003. – 552 б.

3. Аяган Б.Г., Кыдыралина Ж.У., Аунасова А., Кашикмбаев А.Н. и др. *Правда о голоде 1932-1933 годов.* – Алматы: Литер, 2012. – 336 с.
4. Сыдыков Е.Б. *О некоторых аспектах проблемы голода в Казахстане в контексте миграции казахского населения за пределы республики / «Голод 1930-х годов в Украине и Казахстане: вопросы историографии и подходы к исследованию проблемы (к 80-летию трагедии)» / под. общей редакцией Е.Б. Сыдыкова.* – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2014. – 240 с. – С. 9–21.
5. Кабульдинов З.Е. *Казахский голодомор и особенности пребывания казахов-откочевников в Сибири (Начало 30-х годов XX века) / «Голод 1930-х годов в Украине и Казахстане: вопросы историографии и подходы к исследованию проблемы (к 80-летию трагедии)» / под. общей редакцией Е. Б. Сыдыкова.* – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2014. – 240 с. – С. 54–64.
6. Сергейчук В.И. *Стихийное откочевье казахов как основной способ спасения от голода в 1932-1933 годах / «Голод 1930-х годов в Украине и Казахстане: вопросы историографии и подходы к исследованию проблемы (к 80-летию трагедии)» / под. общей редакцией Е.Б. Сыдыкова.* – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2014. – 240 с. – С. 164–173.
7. Ермекбаев Ж.А. *Российские казахи в составе РСФСР и СССР в 1917-1991 гг.* – Алматы, 2000. – 307 с.
8. Козыбаева М.М. *Миграционные процессы и социально-экономическое положение казахского населения Западной Сибири в 30-х годах XX века // Вестник КГПИ. № 3 (47). 2017. – С. 10–15.*
9. Алексеенко А. Н. *Сельское население Казахстана. 1920–1990 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени д.и.н.* – Алматы, 1994. – 59 с.
10. Зима В.Ф. *Голод 32–33 гг. как интернациональная трагедия // Материалы Международной конференции «Украина и Россия: история и образ истории»: Институт Европы РАН, 2008.*
11. Грозин А.В. *Голод 1932–1933 годов и политика памяти в Республике Казахстан / Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2014. – 178 с.*
12. Томилов Н. А. *Этническая история тюркоязычного населения западносибирской равнины в конце XVI – начале XX вв.* – Новосибирск, 1992. – 271 с.
13. Томилов Н. А., Ахметова Ш. К. *Казахи аула Каскат: традиции и инновации в культуре казахов Западной Сибири.* – Омск: «Наука», 2013. – 392 с.
14. Ахметова Ш. К. *Современные этнические процессы у городских казахов Западной Сибири.* – Омск, 2002. – 104 с.
15. Октябрьская И.В. *Казахи Алтай: этнополитические и социокультурные процессы в пограничных районах Южной Сибири XIX–XX вв.* - Новосибирск, 2004. - 281 с.
16. Марта Брилл Олкотт *Коллективизация в Казахстане // Российский Обзор. № 2. – 1981. – С. 122–142.*
17. Конквест Р. *Жатва скорби. Главы из книги. // Вопросы истории. 1990. – № 1, 4.*
18. Сара Камэрон *Голодные степи: советский Казахстан и казахский голод, 1921-1934 гг.: [пер. с англ. А.Терещенко]. Университет Йель, 2010. – 490 с.*
19. Огайон И. *Седентаризация казахов СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928-1945 гг.).* – Алматы, 2007. – 362 с.
20. Pianciola N. *The Collectivization Famine in Kazakhstan, 1931-1933 // Harvard Ukrainian Studies, Vol. 25, No. 3/4 (Fall 2001), pp. 237-251.*
21. ГАПО Ф. 9. Оп. 1. Д. 18. Л. 172.
22. ГАПО. Ф.1-п. Оп. 1. Д.39. Л.87-101.
23. ГАПО Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 70. ЛЛ.2, 2 об., 3, 3 об., 59.
24. Рыскулов Т. *Собр. сочинений в 3-х томах. Т.3. – Алматы: Казахстан, 1998. – 444 с.*
25. Рахимжанов, К. *Лихолетье // Найзатас. – 2013. – № 2. – С. 27-56.*
26. Михайлов В. *Хроника великого джуга.* – Алматы: Жалын, 1996. – 400 с.
27. Кабульдинов З.Е. *В поисках спасения // Mangi El. – 2014. – № 4. – С. 68 -73.*
28. *Материалы историко-культурной экспедиции «По местам исторической памяти».* – Павлодар, 2021. – 200 с.
29. ГАПО. Ф.1-п. Оп. 1. Д.89. Л. 146.

References

1. Akhmetova, Sh. K. (2002) *Sovremennye etnicheskie protsessy u gorodskikh kazakhov Zapadnoi Sibiri.* Omsk. 104 s.
2. Aiagan, B.G., Kudyralina, Zh.U., Aunaso, A., Kashkimbaev, A.N. i dr. (2012) *Pravda o golode 1932-1933 godov.* Almaty: Liter. 336 s.
3. Alekseenko A. N. (1994) *Sel'skoe naselenie Kazahstana. 1920–1990 gg. Avtoreferat dissertacii na*

soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk. Almaty. 59 s.

4. GAIPO F. 9. Op. 1. D. 18. L. 172.
5. GAPO. F.1-n. Op. 1. D.39. L.87-101.
6. GAPO F. 1-n. Op. 1. D. 70. LL.2, 2 ob., 3, 3 ob., 59.
7. GAPO. F.1-n. Op. 1. D.89. L. 146.
8. Grozin, A.V. (2014) *Golod 1932–1933 godov i politika pamiaty v Respublike Kazakhstan*. Moskva: IV RAN. 178 s.
9. Zima, V.F. (2008) *Golod 32–33 gg. kak internatsional'naiia tragediia // Ukraina i Rossiia: istoriia i obraz istorii. Materialy konferentsii*. Moskva: Institut Evropy RAN. 200 s.
10. Ermekbaev, Zh.A. (1999) *Rossiiskie kazakhi v sostave RSFSR i SSSR v 1917–1991 gg*. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gos. ped. Universiteta. 183 s.
11. Kabul'dinov, Z. E. (2014) *Kazakhskii golodomor i osobennosti prebyvaniia kazakhov-otkochevnikov v Sibiri (Nachalo 30-kh godov XX veka) / Golod 1930-kh godov v Ukraine i Kazakhstane: voprosy istoriografii i podkhody k issledovaniuu problemy (k 80-letiiu tragedii) / pod. obshchei redaktsiei E. B. Sydykova*. Astana: ENU im. L.N. Gumileva. 240 c. S. 54–64.
12. Kabul'dinov, Z. E. (2014) *V poiskakh spaseniia // Mangi El. – Astana: ENU im. L. N. Gumileva. № 4*. S. 68-73.
13. Kameron, S. (2010) *Golodnye stepi: sovetskii Kazakhstan i kazakhskii golod, 1921–1934 gg.: [per. s angl. A. Tereshchenko]*. Universitet Iel'. 490 s.
14. Kozybaeva, M. M. (2017) *Migratsionnye protsessy i sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie kazakhskogo naseleniia Zapadnoi Sibiri v 30-kh godakh XX veka // Vestnik KGPI. № 3 (47)*. 2017. S. 10-15.
15. Konkvest, R. (1990) *Zhatva skorbi. Glavy iz knigi // Voprosy istorii*. 1990. № 1, 4.
16. Lidzhieva, I. V. (2014) *Deportatsiia kalmykov 1943-1944 godov cherez vospriiatie detei-spetspereselentsev // Novye issledovaniia Tuvy. № 2. – S. 67-74*.
17. Malysheva, M. P., Poznanskii, V. S. (1999) *Kazakhi-bezhentsy ot goloda v Zapadnoi Sibiri (1931-1934)*. Almaty: Galym. 536 s.
18. *Materialy istoriko-kul'turnoj ekspedicii «Po mestam istoricheskoy pamyati» (2021)*. Pavlodar. 200 s.
19. Ogaion, I. (2007) *Sedentarizatsiia kazakhov SSSR pri Staline. Kollektivizatsiia i sotsial'nye izmeneniia (1928-1945 gg.)*. Almaty. 362 s.
20. Oktiabr'skaia, I.V. (2004) *Kazakhi Altaia: etnopoliticheskie i sotsiokul'turnye protsessy v pograniichnykh raionakh Iuzhnoi Sibiri XIX–XX vv. Novosibirsk*. 281 s.
21. Olkott, M. (1981) *Kollektivizatsiia v Kazakhstane // Rossiiskii Obzor. № 2. –S 122-142*.
22. Omarbekov T. (2003) *Қазақстан тарихының өзекті мәселелері. Көмекші оқу құралы*. Almaty: «Өнер». 552 b.
23. Sergiichuk, V.I. (2014) *Stikhiinoe otkochev'e kazakhov kak osnovnoi sposob spaseniia ot goloda v 1932–1933 godakh / Golod 1930-kh godov v Ukraine i Kazakhstane: voprosy istoriografii i podkhody k issledovaniuu problemy (k 80-letiiu tragedii) / pod. obshchei redaktsiei E. B. Sydykova*. Astana: ENU im. L. N. Gumileva. 240 c. S. 164-173.
24. Ryskulov, T. (1998) *Sobr. sochinenii v 3-kh tomakh. T.3*. Almaty: Kazakhstan. 444 s.
25. Sydykov, E.B. (2014) *O nekotorykh aspektakh problemy goloda v Kazakhstane v kontekste migratsii kazakhskogo naseleniia za predely respubliki / Golod 1930-kh godov v Ukraine i Kazakhstane: voprosy istoriografii i podkhody k issledovaniuu problemy (k 80-letiiu tragedii) / pod. obshchei redaktsiei E. B. Sydykova*. Astana: ENU im. L. N. Gumileva. 240 c. S. 9-21.
26. Tomilov, N. A. (1992) *Etnicheskaiia istoriia tiurkoiazыchnogo naseleniia zapadnosibirskoi ravniny v kontse XVI – nachale XX vv. Novosibirsk*. 271 s.
27. Tomilov, N. A., Akhmetova, Sh. K. (2013) *Kazakhi aula Kaskat: traditsii i innovatsii v kul'ture kazakhov Zapadnoi Sibiri*. Omsk: «Nauka». 392 s.
28. Omarbekov, T. (2003) *Қазақстан тарихының өзекті мәселелері. Көмекші оқу құралы*. Almaty: «Өнер». 552 b.
29. Pianciola, N. (2001) *The Collectivization Famine in Kazakhstan, 1931–1933 // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 25. No. 3/4 (Fall 2001)*. PP. 237-251